

понимический стереотип и стереотип пространственного соположения, а также факты отражения мифологического сознания в топонимической системе.

Четвертая глава монографии – «Региональное бытие топонимической системы». Содержание этой главы включает как общие вопросы, связанные с понятием микросистемы, так и анализ конкретного материала. Удачным представляется введение автором понятия субансамбля как совокупности топонимических единиц, присутствующих в сознании типовой личности. Опираясь на понятие субансамбля, автор дает определение топонимической микросистемы как совокупности субансамблей (с. 165). Это определение представляется весьма интересным и перспективным для дальнейших исследований.

В работе анализируются индивидуальные топонимиконы 23 информантов, на основании чего определены основные факторы, влияющие на характер топонимикона: «1) пол; 2) возраст; 3) национальная принадлежность; 4) профессиональная принадлежность; 5) степень языковой компетенции, обусловленная уровнем образования носителя топонимикона» (с. 166, 180). По мнению автора, эти факторы влияют и на систему миропредставления говорящих (с. 166), однако этот тезис никак не обосновывается.

Оценивая книгу в целом, можно констатировать, что она производит крайне неровное впечатление. Наиболее интересной и обозначающей новые горизонты исследования является четвертая глава. Первая глава написана квалифицированно, но носит главным образом систематизирующий характер. Что же касается содержания третьей и, особенно, второй главы, то осталось ощущение недостаточной разработанности поставленных в них проблем.

Г. В. Глинских, канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.

Вышедший в минувшем году словарь известного ономастолога является заметной вехой в его деятельности по собиранию материала, теоретическое обоснование значимости которого он одновременно дает. Понятие коннотативного собственного имени – давнее (о чем свидетельствуют многочисленные публикации автора на данную тему [см.: Отин, 1980; 1986; 1991; 2003 и др.]) и пока никем другим не освоенное по-настоящему «ноу-хау» Евгения Степановича Отина, а в рецензируемом издании эта идея получила и завершённое оформление в предисловии, и богатейшие иллюстрации в самом словаре.

Как справедливо отмечает автор, «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего мира, – но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» (с. 5). Именно в таком статусе онимы у Е. С. Отина называются коннотативными, и именно их лексикографическое описание представлено в словаре.

Идея учесть наконец не только отонимические апеллативы (об этом писали и пишут настолько много, что нет нужды занимать журнальное пространство ссылками), но и факты промежуточного состояния имени собственного, когда оно еще продолжает быть самим собой и в то же время делает шаг в сторону апеллатива, т. е. становится своеобразной онимической метафорой, некоей двуплановой (как и положено метафоре) единицей, где одним планом является единичное, индивидуальное, а вторым –

общее, – идея необычайно привлекательная. Во-первых, потому, что «знание того, какими конкретными и эмоционально-экспрессивными коннотациями обладают собственные имена, способность адекватно понять и употребить их в своей речи – одно из слагаемых русской культуры» (с. 7). Во-вторых, фиксация коннотативных онимов – это в большинстве случаев фиксация определенного этапа развития семантики: от имени собственного к апеллятиву. В обоих случаях знание переносных значений онима оказывается важной посылкой в рассмотрении вопроса о его семантике в статическом и динамическом аспектах.

Другое дело, что возникновение переносного, коннотативного значения у онима – еще не гарантия обязательного появления омонимичного апеллятива. Отсюда естественно предпринятое автором деление коннотативных онимов на узуальные и окказиональные (с. 12), находящее отражение в словарных статьях. Лексикографически разрабатываемые онимы поражают прежде всего именно разнообразием окказионального манипулирования именем собственным в целях выразительности. Можно даже утверждать, что любое имя собственное, известное носителю языка, потенциально готово к употреблению в коннотативном значении – все зависит от ситуации. *Прямым Чадаевым* называет своего Онегина А. С. Пушкин, и коннотации в полном объеме (а не только естественно лежащие на поверхности) этого употребления известны только самому поэту и его ближайшим друзьям¹. В основе знаменитых пушкинских *огончарован* и *кюхельбекерно* – явные коннотонимы (уж второго-то несомненно – насчет первого можно еще поспорить), но кто, кроме него, их мог еще употребить?!²

Вышесказанное лишь в очень небольшой степени говорит о том, как громаден задуманный автором труд, имеющий целью лексикографически обработать «весьма трудно поддающийся исчислению набор... слов» (с. 8). Если добавить, что учитываются тексты, относящиеся ко всему времени существования письменного языка на Руси (предисловие содержит интересные наблюдения за древнейшими переносными употреблениями собственных имен, за постепенным расширением использования коннотонимов в текстах), что привлекаются не только письменные свидетельства, но и записи устной речи, что в зоне внимания собирателя находятся все формы существования русского языка от территориального диалекта до жаргона, остается только восхититься грандиозностью поставленной задачи, которая нашла-таки в книге вполне адекватное воплощение. Русские коннотонимы от *Автомедона* до *Штирлица* и от *Вавилона* до *Хацанетовки*, собранные воедино под крышей солидного тома, немало говорят читателю и о судьбах онимов, и о специфике русской национальной культуры.

В то же время становится совершенно ясно, что перед нами не завершающий аккорд долгого труда, а лишь его начало – таков характер этого материала, и, пользуясь коннотонимами, можно утверждать, что автор стал Колумбом для материка по имени Коннотонимия и в роли такового сам вряд ли до конца представляет, как по-настоящему выглядит открытая им Америка, что отнюдь не снижает значимости предпринятого им деяния. Именно осознание этой значимости, во-первых, и необъятности дальнейшего труда, во-вторых, придает нам смелости в отыскании недочетов этого оригинального по замыслу и интереснейшего по материалу словаря.

Первый упрек, который напрашивается при прочтении, – пестрота материала при его явно случайной избирательности, хотя причины ее понятны: нельзя объять необъятного.

Так, в плане выявления исторического пути коннотонимов труд Е. С. Отин сродни труду И. И. Срезневского в его собирании материалов для словаря древнерусского языка. Но Срезневский был последователен в расписывании книги за книгой, документа за документом, и рядом с ним были его студенты. В источниках же данного словаря нет даже Повести временных лет, нет Новгородской летописи, хотя есть, например, Псковская. Нет (по крайней мере, это следует из списка источников) трудов церковников XI–XVII вв., нет русской бытовой повести, нет... много чего нет. Было ли это просмотрено без результатов или автор просто делал выписки, натываясь на коннотонимы в книгах, которые совсем по другим причинам попадали в круг его чтения? Вопрос об источниках не рассмат-

¹ Кстати, интересно, почему – случайно или осознанно? – Е. С. Отин, явно «расписывавший» «Евгения Онегина» на коннотативные онимы, это употребление в свой словарь не включил.

² Хотя вполне возможны новые образования по заданным Пушкиным моделям; по крайней мере, мне лично довелось дважды употребить такие отантропонимические наречия.

ривается в книге, в нем есть лишь список сокращений. Между тем именно в литературе прошлых столетий список коннотонимов может быть выявлен с достаточной для серьезных выводов полнотой. Нет оснований адресовать этот упрек автору – он сделал, что было в его личных силах, и то, что им сделано, заслуживает и даже требует кропотливого продолжения многими и многими последователями.

С другой стороны, кажется, что коннотоним – прерогатива именно литературной, рефлектирующей речи, поэтому стоит ли тратить время на словари жаргона, которые сейчас так любят составлять и специалисты, и дилетанты? Бытовой диалог делает мгновенный скачок от онима к апеллятиву или другому ониму (например, к прозвищу), поскольку нуждается в коммуникативно обусловленном определенном значении, а не скрытом, но сравнении, требующем внимания к оттенкам и даже всплеска конгениальности у воспринимающего, в чем и содержится главная прелесть и цель коннотонима. К тому же из всех использованных в качестве источников многочисленных словарей, описывающих арготическую лексику, основную часть составили три уныло повторяющихся практически для каждого антропонима значения: для женских имен – ‘проститутка’, ‘гомосексуалист’, для мужских – ‘мужской половой орган’. А были ли там коннотонимы?

Аналогичные размышления связаны и с использованием диалектного материала. Во-первых, даже из цитируемых источников извлечен далеко не весь материал, не говоря уже о том, что не все диалектные словари оказались задействованы. Во-вторых, кажется, что в диалекте омонимичные онимам апеллятивы возникают своими путями, в которых этап коннотонимический присутствует далеко не всегда (что следует и из тщательных разработок самого автора, например, в статьях *Ерофей*, *Ероха* на с. 139–140 и др.).

Наконец, сомнения вызывает рассмотрение литературных онимов наряду с реальными: литературный оним (обычно антропоним) уже изначально не является именем собственным в «прямом» значении: он обозначает не конкретного человека, а определенный типический образ, его семантика уже «отработана» в экспрессивно-эмоциональном плане, поэтому следующий шаг – не создание коннотонима, а сразу апеллятивизация. Аналогичная ситуация и с античными и библейскими именами, в которых также вся работа по оформлению семантики проделана заранее (другое дело, что, во-первых, далее семантика претерпевает изменения, приводящие к развитию значений, далеко ушедших от исходного; во-вторых, недостаточное знание произведения, мифа или, наоборот, индивидуальное их прочтение влечет за собой неизбежные упрощения, усложнения или искажения семантики).

Подводя итог разговору о материале, еще раз подчеркнем его излишнее разнообразие, приводящее в некоторой степени к стиранию граней между коннотонимами и другими отонимическими образованиями.

Сами словарные статьи читаются как захватывающие истории об именах. Блистательны, в частности, разработки онимов *Васюки* и *Вотергейт*, *Наполеон* и *Пушкин* (список можно продолжать долго). Одновременно возникают возражения и коррективы к отдельным случаям. Остановимся на некоторых из них.

- Непонятно, как из контекста «[Катерина Ивановна] уже возненавидела нашего дельного *Адама*» может вытекать *Адам* ‘беспечный, безответственный и непрактичный человек’. Дальнейшие комментарии («Речь идет о разделе имения с братом [А. П. Чехова. – М. Р.] Александром – главным виновником этого положения благодаря картежной своей игре») проясняют ситуацию оценки действий человека, но отнюдь не семантику имени. Возможно, Чехов просто играет словами: *перстный Адам* (греховный человек – см. Там же) – *тельный Адам* – *дельный* (иронически) *Адам* (с. 31).

- В толковании *адамизма* как течения в русской поэзии указывается на его синонимичность термину *акмеизм*, однако приведенная далее цитата как раз указывает на разницу и даже противоположность этих понятий, ср.: «В известном смысле то была измена акмеизму...» (Там же).

- В качестве иллюстрации «прямого» значения антропонима *Акулька* приводится пример из А. С. Пушкина («Стала звать *Акулькой* прежнюю Селину»), коннотативное значение ‘деревенская (крепостная) женщина’ иллюстрирует пример из Н. В. Гоголя («Что *Акулька* у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп!»). В чем здесь разница? Ведь в обоих случаях речь идет об имени дворовой крепостной: в первом случае в доме Лариных, во втором – в доме Собакевича (с. 38).

- *Алые паруса* как «романтическое увлечение, символ высокой мечты» восходит не к названию произведения А. Грина, а к ситуации, в нем описанной: осуществленной мечте Ассоль о корабле под алыми парусами, который придет за ней (с. 44). Аналогично – вишневый сад (с. 105) ‘место отдохновения, спокойствия’ («Антон Павлович Чехов очень любил свой тихий мелиховский уголок,

свой “вишневый сад”») связано не с онимом – названием пьесы, а с образом вишневого сада в нем. Но ср. «*Вишневый сад*» – ‘творческая удача, большой успех’ («А выпуск 1988 года... называл своим “Вишневым садом”»), действительно являющееся коннотонимом, образованным от библионима.

- Сомнительно происхождение *герман* ‘фашист’ от имени *Герман*. Скорей, тут усечение от *Германия*, *германец* с последующим игровым сближением с *Герман* по ударению (и откуда известно, какое там было ударение, есть ли свидетельства, что это не *герман*?) (с. 115).

- Представляется, что статью о Гренаде лучше строить, отталкиваясь не от библионима – светловской «*Гренады*», а от названия «волости в Испании». Тогда коннотоним *Гренада* ‘романтическая мечта’ – основа библионима «*Гренада*» (именно этот смысл у названия стихотворения) (с. 120).

- Контекст «Как вас зовут? – Меня? Мальвиной» из купринского «Поединка» не может иллюстрировать значение ‘проститутка’, даже если в данном случае речь идет о таковой – девица просто называет герою свое имя (пусть и придуманное) (с. 221).

- Для имени *Марь Иванна* наряду с другими выделены два значения: 3. Любая школьная учительница... 5. Учительница с консервативными догматическими взглядами, зануда-«учиха». Примеры же говорят о том, что значение в обоих случаях одно – пятое (с. 229).

- Для коннотонима *Моцарт* вместо одного сформулированного значения ‘яркий талант, выдающаяся личность’ иллюстрации позволяют выделить три: 1) гений («Встал антиматросовым хамлюга, заслоняя Моцарта мурлом»; «Моцарт спекуляций»; «А вдруг вы Моцарт?»); 2) вундеркинд («В городе появился “литературоведческий Моцарт” Алеша Веселовский, имевший в десятилетнем возрасте научные публикации»; «Вот Олег Табаков... еще только прищуривается к своим великим ролям... Он – Моцарт плеяды, рожденной “Современником”»); 3) художник «от Бога», не нуждающийся в особых усилиях для творчества (т. е. не Сальери) («Ведь если ты Моцарт – живи сегодняшним днем, и творчество из тебя польется!..») (с. 245–246).

- Странно, что выражение *перейти Рубикон*, породившее все приведенные коннотации, оказалось в самом конце словарной статьи «Рубикон» (с. 302).

- Все примеры, иллюстрирующие значение ‘проводник’ для коннотонима *Сусанин* явно требуют дополнения к семантике – ‘плохой, ненадежный’ (ср.: «Китайцы ждали своего Сусанина целую неделю и до последнего надеялись на его порядочность: думали, что он вот-вот вернется или заблудился») (с. 324).

Отметим также, что сложные многобуквенные аббревиатуры, обозначающие разные типы онимов и производных от них (например, УКМХр₁ – узуальный интерлингвальный коннотативный мифохроним или УКМТ₅ – узуальный интралингвальный коннотативный мифотопоним, характерный для инациональной языковой среды, но хорошо известный и русским) затрудняют чтение и ничего не добавляют к содержанию словарной статьи, поскольку ссылки на источники и толкование и так достаточно полно информируют читателя о распространенности и степени узуальности языкового факта (впрочем, критерии, по которым окказиональное отличается от узуального, в предисловии так и не оговорены).

Хорошая книга всегда не только восхищает, но и будит стремление сделать ее еще лучше. Именно этими побуждениями мотивированы наши замечания. В целом же перед нами не просто результат глубокого и продуктивного исследования, но и руководство к действию.

Отин Е. С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопр. ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 3–13.

Отин Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология, 1984. М., 1986. С. 186–191.

Отин Е. С. Материалы к коннотационному словарю русских онимов // Номинация в ономастике: Сб. статей. Свердловск, 1991. С. 41–51.

Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопр. языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.

М. Э. Рут, доктор филол. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)